

УДК 82.09

В.В. ЛЮБЕЦКАЯ,
*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русской филологии
и зарубежной литературы ГВУЗ «КНУ»*

ПРОРОЧЕСТВО КОНЦА МИРА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

В данной статье осмысливается пророчество конца мира в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Мир в романе представлен в момент разрушения, он лишен своей изначальной целостности. Рассмотрена бесноватость главных героев произведения, которые безбожно отступили от истинной веры и фанатично погрузились в утопическую «идею», а также другие апокалипсичные знаки (насильственные смерти, самоубийства, душевные расстройства). Проанализирована поэтика заглавия «Бесы», которая не является аллегорией, а, скорее, представляет собой прямое указание на духовный характер революции.

Ключевые слова: роман-пророчество, художественный мир, целостность, раз-лад, бесовский источник, апокалиптичность, эсхатологические мотивы.

Многие исследователи творчества Ф.М. Достоевского считают, что роман «Бесы» (1872 г.) недостаточно и неглубоко изучен. Критические высказывания по поводу данного произведения носят полемический характер; встречаются диаметрально противоположные мнения. В советский период роман часто комментировался негативно, односторонне и предвзято, а в современных работах актуализируется православное мировоззрение писателя, и через призму ортодоксальной веры рассматривается все творческое наследие Ф.М. Достоевского, в т. ч. и роман «Бесы». Так, авторитетный современный исследователь-богослов М.М. Дунаев утверждает следующее: «Вне Православия Достоевский постигнут быть не может. Всякая попытка объяснить его с позиции не вполне внятных общечеловеческих ценностей малосмысленна. Конечно, некоторые истины можно извлечь из творческого наследия писателя и вне связи с его подлинной религиозной жизнью – Достоевский для того слишком многоуровневый писатель. Но без скрепляющей все основы всякое осмысление любой проблемы останется и неполным, и шатким, и ненадежным» [1]. Неоспорим тот факт, что роман «Бесы» все-таки выделяется своей проблематикой из ряда других произведений писателя. «Если другие романы Достоевского были в основном посвящены судьбе конкретной человеческой личности (Раскольников, князь Мышкин, Аркадий Долгорукий), то в «Бесах» Достоевский впервые воссоздает портрет молодого поколения середины XIX в., его идейные и философские искания, политические амбиции и социальные устремления. Все это было столь своевременным, злободневным, что тогдашняя молодежь, прочитав роман, сконцентрировала свое внимание на политической, памфлетной части его проблематики, стремясь отыскать в произведении свой портрет, и находила «зловонную карикатуру» [2]. А еще роман называли «кошмаром мистических экстазов» и «психопатией» [3, с. 127]. Действительно, произведение заряжено и заражено бесовством и бесноватостью, которые присутствуют в романе наравне с православными мотивами и на их фоне. Философская и религиозная проблематика романа «Бесы» всегда осмысливалась как наиболее значительная. По сегодняшний день шокирует

идейное содержание «Бесов», тот мрачный ужас, который наполняет роман. Трагедия героев заключается «не столько в ложности их политических устремлений, которые явились следствием заблуждения духовного, сколько в утрате религиозно-нравственной обусловленности поступков, в открытом предпочтении зла добру, воли антихриста – воле Божией. Именно такое прочтение романа ... было адекватно замыслу Достоевского» [2]. Учитывая обилие разнообразных работ о творчестве Ф.М. Достоевского, роман «Бесы» действительно представляется как наименее изученный художественный феномен. Конечно, не единожды осмысливалось идейное содержание романа в неразрывной связи с его художественной формой, выявлялась идейно-художественная целостность произведения. Нам необходимо остановиться на особенностях художественного мира, в который нас погружает писатель, ведь роман «Бесы» – роман-пророчество, в котором мир представлен в момент разрушения, в момент своего конца. Эсхатологические и апокалипсические мотивы романа совершенно не скрыты, они явны как для современников Ф. М. Достоевского, так и для исследователей XX–XXI вв. Но чем обусловлена эта конечность, потеря целокупности, разлад, наполняющий мир, еще предстоит выяснить.

Прижизненная критика, оценивая роман, обращала в основном внимание на то, как в «Бесах» изображены представители русского революционного движения 1860-х годов. Говорили о «карикатурности» и чрезмерной «фантастичности» героев Ф.М. Достоевского, даже и не представляя, насколько он близок к истине, насколько в «Бесах» он реалист, верно отобразивший революционное беснование. Революция – как идея, вдохновляла даже тех, против кого она совершалась, но в своем реальном воплощении она была далека от декларируемых постулатов и идей, превратив все «высокое» в кровавую драму и разрушив собственный дом. Ф.М. Достоевскому удалось проникнуть в эту нехитрую «тайну» в своем произведении, гораздо сложнее было от подобных «тайн» и секретов (или даже правды) перейти к истине. Есть ли это стремление в «Бесах» – остается вопросом, или, может быть, важнее было показать только массу безумных человеческих «тайн», таких далеких от Божественной правды и призванных только разделять, но не соединять общество. Глумление над нигилизмом, о котором так громко кричало большинство критиков, только один из векторов романа, а вот «презрение к смуте», о которой так хорошо сказал М.Е. Салтыков-Щедрин, – наличный факт произведения, появившегося совсем не от рук «дрожавших от гнева» и выводящих «мечущихся марионеток» [4]. «Бесы» – произведение гениального писателя, то есть многие, и М.Е. Салтыков-Щедрин в том числе, не могли не признать «высокой художественной прозорливости» Ф. М. Достоевского, не могли не увидеть в его героях лиц, «полных жизни и правды» [4]. **Современники Ф.М. Достоевского, писатели и критики – реалисты в традиционном понимании этого слова, обращали внимание на то, что героев произведений Ф.М. Достоевского «никак нельзя назвать «типическими характерами», а все катаклизмы, которые с ними происходят, не могут именоваться «типическими обстоятельствами». Дело Нечаева, взятое Достоевским за основу фабулы «Бесов», признавалось современниками «преступным исключением», а вовсе не началом грядущей катастрофы» [2]. Но катастрофа была неизбежной, этой катастрофе, началу конца и посвящен роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Ф.М. Достоевский знал о неприятии его романа, но знал и о своей правоте. В личном письме к Н.А. Любимову, сотруднику «Русского вестника», Ф.М. Достоевский говорил о «высочайшей степени» изображенной им реальности: «В «Бесах» было множество лиц, за которые меня укоряли как за фантастические, потом же, верите ли, они все оправдались действительностью, стало быть, верно были угаданы. Мне передавал, например, К.Н. Победоносцев о двух, трех случаях из задержанных анархистов, которые поразительно были схожи с изображенными мною в «Бесах» [5]. Как бы читающая публика не была «оскорблена романом» Ф.М. Достоевского (по Л.И. Сараскиной), интерес к его исключительным героям, являющимися в мир со всей оригинальностью их идей, был всеобщим. Помимо исключительности героя, Ф.М. Достоевский создает и исключительные обстоятельства для него. В ситуации «на грани пропасти» ярче и отчетливее выступают скрытые доселе качества человеческой души. Исключительный герой в исключительных обстоятельствах – романтическая черта, поэтому критика считает метод Ф.М. Достоевского фантастичным, уклоняющимся от реализма. Как верно отмечает Н.О. Савина: «... в этой глубинности, исключительности и скрыты особенности реализма**

Достоевского, осознаваемого им самим: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего. Господи! Пересказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем, это исконный настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавают» [2]. Реализм Ф.М. Достоевского особый и особенный, личный опыт и художественное прозрение интимно смыкаются в творчестве писателя. Так, наряду с современным, политическим прочтением романа «Бесы» существует и религиозно-философское, как уже было отмечено выше. Ф.М. Достоевский выказывает тайну своей современности в еще нераспознанной и невысказанной религиозной тоске. Созерцая житейские мелочи, обыденные события, у Ф.М. Достоевского всегда решается последняя судьба человека. Изучая человеческую личность, писатель достигает «хтонических глубин», «таинственных токов первобытия» (по Г. Флоровскому). Почти все герои романа «Бесы» одержимы, каждый бесноват сам в себе, что и определяет эсхатологический характер произведения.

Основное действие «Бесов» происходит в небольшом губернском городе, в поместье Варвары Петровны Ставрогиной. Она дочь богатого откупщика, получившая в наследство состояние отца и имяние Скворешиники. Покойный муж Варвары Петровны, генерал-лейтенант Ставрогин, не был богат, но был знатен и имел связи в высшем обществе. Постепенно, после смерти мужа, светские связи все более ослабевают, а попытки их восстановить оказываются безуспешными. Однако Варвара Петровна пользуется большим уважением в губернии, влияя на многих ее жителей, не исключая и самого губернатора. В имении Варвары Петровны живет и ее старый друг – Степан Трофимович Верховенский, некогда «прославленный деятель», имя которого «одну самую минуточку ... произносилось чуть не на ряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [6]. Однако слава его прошла быстро, и по необходимости он стал учителем Николая Всеволодовича Ставрогина и Лизаветы Николаевны Тушиной. Классическая дружба Варвары Петровны к Степану Трофимовичу могла перерасти в нечто большее; определено, что первое время Степан Трофимович имел все шансы жениться на Ставрогиной, на это цинично обращает внимание Степана Трофимовича его единственный сын от первого брака – Петр Степанович Верховенский. Однако этого не случилось и добрый, безобидный, но слабый и непрактичный Степан Трофимович вместо мужа занял место приживальца в имении Ставрогиной, которому она покровительствует как своему старому другу.

Стоит отметить, что эта «дружба» носит специфический характер, она соподчинена некоей необходимости. Варвара Петровна женщина незлая, но деспотичная и властная, своей сильной и даже жертвенной привязанностью к Степану Трофимовичу поработала и ломает его хрупкую натуру. Ф.М. Достоевский очень точно и подробно описывает совместную жизнь и отношения двух «друзей»: «Есть дружбы странные: оба друга один другого почти съест, хотя, всю жизнь так живут, а между тем расстаться не могут. Расстаться даже никак нельзя: раскапризавшийся и разорвавший связь друг первый же заболеет и пожалуй умрет, если это случится» [6]. Степан Трофимович стал болезненной и невоплощенной мечтой для Варвары Петровны. Его роль была определена ею так: он видный и талантливый ученый, мыслитель, а она его покровительница, помогающая «гению» советами и деньгами: «В ней таилась какая-то нестерпимая любовь к нему, среди непрерывной ненависти, ревности и презрения. Она охраняла его от каждой пылинки, нянчилась с ним двадцать два года, не спала бы целых ночей от заботы, если бы дело коснулось до его репутации поэта, ученого, гражданского деятеля. Она его выдумала, и в свою выдумку сама же первая и уверовала. Он был нечто в роде какой-то ее мечты... Но она требовала от него за это действительно многого, иногда даже рабства. Злопамятна же была до невероятности» [6].

Степан Трофимович человек довольно возвышенных взглядов, он убежден в силе искусства и полагает, что главное условие существования мира есть красота. Но удержаться на этих позициях он не в силах; не в силах отстоять свои искренние убеждения, потому что ленив и развращен провинциальной жизнью. Его первоначальные занятия – изучение словесности, истории, написание научных трудов, все больше вытесняют пустые разговоры, в которых он все время старается подать себя как мученика, лишённого признания и карьеры. Больше, чем наукой, увлечен Степан Трофимович игрой в карты и шампанским. Все эти

удовлетворения дешевых потребностей осуществляются за счет Варвары Петровны, которая хотя и негодует, но позволяет ему так себя вести, зная, что когда она захочет в буквальном смысле воспользоваться им, Степан Трофимович не в силах будет ей отказать. И действительно, Варвара Петровна чуть не женила насильно своего друга «на чужих грехах», сватав ему свою воспитанницу Дарью Павловну, ранее имевшую связь с ее сыном. И Варвара Петровна, и Степан Трофимович герои прошлого времени, относительно безобидные и чудаковатые старики, ощущающие изменения и разлом мирного мира, неуклюже старающиеся вписаться во все новое, но уже бессильные и отживающие свою жизнь. Так на прощальном вечере Кармазинова выступление Степана Трофимовича было освищено, напрасно он метал бисер перед свиньями, оценить по достоинству его пламенную речь было просто некому. Безусловно, что старый мир хранит в себе корни разлада, именно из него, хоть и в опровержение ему, рождается будущее. Однако прежний мир имел некий уклад, тяготеющий к целому, что отличает его от нового мира. О начале конца, об отсутствии божественного присутствия очень часто, хоть и бессвязно, говорит Степан Трофимович Верховенский, «мяконецкий либерал сороковых годов». Для него жизнь возможна без науки, без хлеба, но не без красоты: «... без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоят минуты без красоты» [6]. Красота призвана спасти мир, без стремления к красоте человеческое существование онтологически ущербно.

Совсем иным, бездушным и страшным, вышел сын мечтательного отца Верховенского – Петр Верховенский. Он не пророк, не предвестник, а носитель разрушающего начала. Петр Степанович настолько неуловим в своих истинных побуждениях, намерениях, мыслях и поступках, что сперва кажется мелким бесом, играющим второстепенную роль. Даже его внешность рассказчик затрудняется описать однозначно: «Это был молодой человек лет двадцати семи или около ... с жидкими белокурыми ... волосами и с клочковатыми, едва обозначившимися усами и бородкой ... как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но однако ж совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудаки, и однако же все у нас находили потом его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу. Никто не скажет, что он дураком собой, но лицо его никому не нравится ... Он ходит и движется очень торопливо, но никуда не торопится ... В нем большое самодовольство, но сам он его в себе не примечаетнисколько ... Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчетливы и окончательны» [6].

Пронирливый и хитрый, следующий тенью за Николаем Ставрогиным, которого он интуитивно ставит выше себя как идеал для воплощения идеи; именно он виновник беспорядков в губернии, в которую он приезжает со Ставрогиным; он – главный вдохновитель и создатель революционной ячейки, способный на все, и даже на убийство, если необходимо механически, а не органически, соединить людей – злодеянием, преступлением, кровью. Каждый из тех, кто «сочувствует» революции, нужен для Петра Верховенского – в качестве лидера (Николай Ставрогин), в качестве прикрытия (суицидальный Кириллов), в качестве жертвы (Иван Шатов). Общее дело, о котором твердят «посвященные» (Липутин, Виргинский, Толкаченко, Лямшин), «пятерки», все стремления к необходимым решительным действиям приводят лишь к одному вопиющему факту (помимо городских беспорядков) – к убийству Шатова, который мог бы донести на своих «подельников», членов революционного движения. Но главная причина не в том, что он может «донести» (Шатов человек исключительной честности), а в том, что он решил выйти из дела, оставить его ради обычной жизни, которая, как оказалось, и важнее, и глубже некоего «дела».

Вся политика в романе Ф.М. Достоевского представляет сплошное шатание и сумбур. В седьмой главе романа, имеющей характерное название «У наших», Ф.М. Достоевским искусно описывается внешний вид и внутреннее состояние присутствующих у Виргинского на вечере «гостей»: «Собравшиеся на этот раз к Виргинскому гости (почти все мужчины) имели какой-то случайный и экстренный вид ... Всех дам в комнате было три: сама хозяйка, безбровая ее сестрица и родная сестра Виргинского... Арина Прохоровна ... сидела, обводя смелыми глазами гостей и как бы спеша проговорить своим взглядом: «видите, как я совсем ничего не боюсь». Прибывшая девица Виргинская ... студентка и нигилистка, сытенная и плотненькая как шарик, с очень красными щеками и низенького роста, помести-

лась подле Арины Прохоровны ... с каким-то свертком бумаг в руке, и разглядывала гостей нетерпеливыми прыгающими глазами ... все собравшиеся подозревали друг друга и один пред другим принимали разные осанки, что и придавало всему собранию весьма сбивчивый и даже отчасти романический вид» [6]. Из этого тайного собрания ничего не смогли извлечь ни приглашенные «гости», ни Ставрогин с Верховенским, которых ждали с огромным нетерпением, все по той же причине сумбура, постепенно перерастающего в сплошной хаос. Сама «идея» вырождается в ненужную, беспричинную, безрезультатную жестокость. То, что представлялось политической недалекостью, обернулось у Ф.М. Достоевского пророчеством.

Изначально считалось, что роман «Бесы» задумывался как антинигилистический роман-памфлет. Но именно с появлением Николая Ставрогина как главного героя проблематика произведения усложняется. Н.О. Савина пишет: «С одной стороны, несомненное значение сохраняет полемика с нигилизмом, а с другой стороны, углубляется исследование религиозных и философских проблем» [2]. Николай Всеволодович Ставрогин – один из главных героев романа, весьма яркая и неоднозначная фигура. Он является участником ключевых событий романа наравне с Петром Верховенским, который пытается вовлечь Ставрогина в свои планы. Сам же Николай Ставрогин никаких планов не имеет, а просто развлекается как человек, наделенный антисоциальными чертами. Он умный и красивый, однако совершенно непредсказуемый человек. Многие приписывают его странные поступки в обществе психическому расстройству, но узнать это наверняка совершенно невозможно. Так, с самого начала, в свой первый приезд к матери, Николай Ставрогин сделал невозможную дерзость Петру Павловичу Гаганову, протасив «его за нос двумя пальцами ... по зале два-три шага»: «Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразии – безобразии рассчитанном и умышленном, как казалось с первого взгляда, а стало быть составлявшем умышленное, до последней степени наглое оскорбление всему нашему обществу» [6]. Но мнение общества не волнует Ставрогина, он продолжает поступать по своей воле и соответственно со своими странными желаниями, то есть безумно, эксцентрично и жестоко, как главный «бес». Это и его отношения с сестрой Шатова – Дарьей, которая, не смотря ни на что, всюду и всегда готова следовать, словно под гипнозом, за Ставрогиным; и оскорбление Лизы Тушиной, которую приводит к Ставрогину Петр Верховенский; совращение девочки (глава «У Тихона»); хладнокровная дуэль; посещение революционером; тайная женитьба на слабоумной сестре капитана Лебядкина – Марье Тимофеевне Лебядкиной. Женится Ставрогин на сумасшедшей, а может быть и юродивой, «Хромоножке» на спор. Он исправно играет роль великодушного князя перед душевнобольной женщиной, снабжает ее и капитана Лебядкина деньгами, однако малоумная Хромоножка, олицетворяющая собой евангельскую святую, детскую простоту, видит и скрытый, точнее, тщательно скрываемый и до конца непознанный даже самим Ставрогиным, его второй образ, суть или сущность, находящуюся в нем. При их встрече в доме Лебядкина Марья Тимофеевна словно не узнает Ставрогина, пугается его, сотрясается всем телом, хочет закричать и заплакать. В ходе их разговора она долго приглядывается к своему «мужу», а потом отвергает его как самозванца, как чужого. В ее словах «а кто тебя знает, кто ты таков и откуда ты выскочил» [6], именно «выскочил», как черт из табакерки, скрыто столько ненависти, злости на человека, выдающего себя за ее «сокола»: «А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъехала? Нет, голубчик, плохой ты актер, хуже даже Лебядкина ... Весь ваш обман насквозь вижу, всех вас, до одного, понимаю ... Похож-то ты очень похож ... Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сын и купчишка!» [6]. То, что происходит дальше, не поддается никакому логическому объяснению, Марья Тимофеевна уже знает то, на что еще не решился Ставрогин. Она говорит об убийстве ножом, и слова эти тоже окажутся пророческими, Марья Тимофеевна Лебядкина вместе со своим братом будет зарезана Федькой Каторжным на деньги Ставрогина: «Прочь, самозванец! – повелительно вскричала она, – моего князя жена, не боюсь твоего ножа! – Ножа! – Да, ножа! у тебя нож в кармане. Ты думал, я спала, а я видела: ты как вошел давеча, нож вынимал! ... – Гришка От-репье-в а-на-фе-ма!» [6]. Возвращаясь в бешенстве от жены, Ставрогин все повторяет про себя «нож, нож», и снова натывается на Федьку Каторжного, предлагавшего ему ранее свои услуги: «Нож, нож!» – повторил он в неутолимой злобе, широко шагая по грязи и лужам, не разбирая дороги. Прав-

да, минутами ему ужасно хотелось захохотать, громко, бешено; но он почему-то крепился и сдерживал смех. Он опомнился лишь на мосту, как раз на самом том месте, где давеча ему встретился Федька; тот же самый Федька ждал его тут и теперь и, завидев его, снял фуражку, весело оскалил зубы ... Его вдруг поразила мысль, что он совершенно забыл про него и забыл именно в то время, когда сам ежеминутно повторял про себя: «нож, нож» [6].

Страшный конец ожидает и Николая Ставрогина, он покончит с собой совершенно неожиданно в имении матери, словно устав от жизни, насмотревшись на нее и насладившись вдоволь, но оставшись абсолютно разочарованным во всех и во всем. Находят труп Николая Всеволодовича Дарья Шатова и его мать Варвара Петровна, описанием этого события и заканчивается роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей. На столике лежал клочек бумаги со словами карандашом: «Никого не винить, я сам». Тут же на столике лежал и молоток, кусок мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запас. Крепкий шелковый снурок, очевидно заранее припасенный и выбранный, на котором повесился Николай Всеволодович, был жирно намылен. Все означало преднамеренность и сознание до последней минуты. Наши медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство» [6]. В характере и судьбе Николая Ставрогина видна явная потенция «человекобоязнь», которое таит в себе опасность и отражается на судьбах окружающих, реализуясь в хаосе и кошмаре бесовских действий. Внешне кажется, что Николай Всеволодович Ставрогин самоотстраняется от всей революционной бесовщины и отказывается от соблазняющих предложений Петра Степановича Верховенского, из высокомерия, из презрения и равнодушия к окружающим: «Ставрогин как бы безучастен к революционному мельтешению. Он погружен в свою частную жизнь, личные интересы, без его воли пересекающиеся с действиями одержимых бесами нигилистов. А между тем он какими-то таинственными связями соединен со всеми действующими лицами романа, и именно его воля в конечном итоге вершит все то, что обрушивается катастрофой на мирную обывательскую жизнь безмятного губернского города в глубине российской действительности» [1]. Николая Всеволодовича Ставрогина можно было бы причислить к типу лишнего человека, но «он не успел уже перейти в качественно иное состояние, так что любой лишний рядом с ним покажется слишком ясен, прозрачен, даже отчасти примитивен во всех проявлениях своего характера. «Великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость» – точнейшая характеристика Ставрогина, данная духовидцем Тихоном, принявшим исповедь его» [1]. М.М. Дунаев считает, что Ставрогин одержим бесом (или бесами), о чем свидетельствуют его галлюцинации. Образ Ставрогина – трагический и пророческий, он сверхчеловек без веры в Бога, погруженный в свое своеволие, пребывающий в пространстве романа в состоянии надрыва. Стоит отметить, что роман «Бесы» наполнен множеством душевных отклонений, а также смертей, как насильственных, так и самоубийствами, совершенными при странных обстоятельствах и имеющих странные мотивы (например, самоубийство Кириллова). У Ф.М. Достоевского каждый герой и лик, и образ, и голос, повествующий о смысле человеческой жизни, о высшей, дарованной Богом человеку свободе, и о его своеволии, которое так часто оборачивается саморазрушением.

Трагически сталкивая свободу и своеволие, Ф.М. Достоевский показывает как свобода, ставшая своеволием, у одного оказывается тиранией для другого (в «Бесах» это отношения Варвары Петровны с ее ближайшим окружением: со Степаном Трофимовичем, Дарьей Павловной, подругой Прасковьей Ивановной Дроздовой, попутчицей умершего друга Софьей Матвеевной. Отношения Николая Ставрогина с матерью, с Лизаветой Николаевной Дроздовой, с Иваном Павловичем Шатовым, с юродивой женой Марией Тимофеевной Лебядкиной и даже с Петром Верховенским. Отношения Петра Верховенского с отцом, с губернаторшей Юлией Михайловной и ее мужем, с членами ячейки и, в свою очередь, с Николаем Ставрогиным). Г. Флоровский пишет об этом следующее: «Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, вырождающегося в дерзость и даже в мистическое озорство. Показывает, как пустая свобода ввергает в рабство, – страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает ... Одержимость мечтой еще опаснее, чем бытовая нелюдимость... И не были ли русские радикалы и нигилисты именно одержимы...» [7]. Философ, продолжая свою мысль, говорит о том, что свобода праведна через любовь, которая возможна в свободе и через лю-

бовь к свободе ближнего. А несвободная любовь вырождается в пагубную страсть, оборачивается насилием и тиранией: «С пугающей прозорливостью Достоевский изображал эту антиномическую диалектику несвободной любви... Такая любовь в несвободе и чрез несвободу только выжигает воспаленное сердце, и сожигает мнимо-любимых, – убивает их обманом и презрением. И не в этой ли антиномии один из фокусов трагедии в «Бесах» [7]. Утраченную органическую цельность нельзя обрести без усилия. Разделение стало всеобщим принципом, «так что и «целый мир» в самом себе разделился, и целый человек распался» [8]. Вовлечение в кризис обрывает «органическую эпоху» (по Г. Флоровскому). Ф.М. Достоевский ставит вопрос о том, как выйти из разлагающегося и распадающегося быта и изображает в своем романе именно проблематику этого распада.

Итак, роман «Бесы» – это подлинная трагедия, повествующая о конце мира, это произведение-пророчество. В «Бесах» открыта апокалипсическая полоса в истории русского чувства. Н.А. Бердяев в своей работе «Духи русской революции» утверждает, что Ф.М. Достоевский открыл бесноватость в русских революционерах: «Он почуял, что в революционной стихии активен не сам человек, что им владеют не человеческие духи. Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было все так предвидеть и предсказать. В маленьком городе, во внешне маленьких масштабах давно уже разыгралась русская революция и вскрылись ее духовные первоосновы, даны были ее духовные первообразы» [9]. Однако пророчество приняли за пасквиль. Но, как утверждает Н.А. Бердяев, «после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что «Бесы» – книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в «Бесах» [9]. В целом роман «Бесы» можно назвать «пророчеством» ровно настолько, насколько в нем говорится о вечном, непреходящем. Так, Ф.М. Достоевского как истинного творца более всего интересуют глубины души человеческой, таким образом, роман «Бесы» можно назвать и пророчеством о метущихся душах, о страшном конце, который ожидает души темные, заблудшие (факты самоубийств в романе). Можно сказать, что через безобразия, замутненный человеческий лик писатель стремился прозреть горную Истину, которая призвана спасти мир. Само название романа «Бесы» – не аллегория, но прямое указание на духовный характер революции. М.М. Дунаев считает, что «духи революции – бесы в прямом смысле. Они завладевают душами соблазвившихся революционной утопией и не отпустят их задаром» [1]. Одним из эпиграфов к роману Ф.М. Достоевский взял евангельский текст (Лк. 8, 32:36) и в письме А. Майкову (в октябре 1870 г.) разъяснил смысл своего выбора, указав, что «бесы» и есть собственно тема романа, описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней: «...факт показал нам ... что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чем свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион ... Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия вылевала вон эту пакость, которую ее окормили, и, уж конечно, в этих выbleванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога» [10]. В «Бесах» все предугадано: и ненависть ее вершителей к России, и опора на уголовный элемент, и главная опасность – безбожие революционных утопий, их отступление от истинной веры. Замена и подмена веры «идеями» в конечном итоге приводит к духовному оскудению, к всеобщему разладу. Ф.М. Достоевский в художественной форме раскрывает многие сложные философские проблемы, такие как безверие, своеволие, проблему зла, вошедшего в «целый мир». Слишком сильные бесы овладели душами многих людей, что объясняет мрачный колорит романа «Бесы», является знаком конца мира, проясняет столь трагичные судьбы героев произведения и определяет его пророческий, апокалиптический характер, глубокоосмысленно повествуя не только о настоящей, но и о грядущей катастрофе.

Список использованных источников

1. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений [Электронный ресурс] / М.М. Дунаев. – Режим доступа: <http://omiliya.org/article/vera-v-gornile-sommenii-mikhail-dunaev.html>
2. Савина Н.О. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: проблематика и особенности поэтики: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» [Электронный ресурс] / Н.О. Савина. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/roman-f-m-dostoevskogo-besy-problematika-i-osobennosti-poetiki>
3. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В.В. Григоренко, Н.К. Гудзия, С.А. Макашина, С.И. Машинского, Б.С. Рюрикова. – М.: Худож. лит., 1964. – Т. 2. – 1964. – 520 с.
4. Фридлиндер Г.М. Достоевский / Г.М. Фридлиндер // История русской литературы: в 10 т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 9: Литература 70–80-х годов. Ч. 2. – 1956. – С. 7–118.
5. Достоевский Ф.М. Письма (1876) [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://libatriam.net/read/396390/>
6. Достоевский Ф.М. Бесы [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0080.shtml
7. Флоровский Г. Пути русского богословия [Электронный ресурс] / Г. Флоровский. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=416/>
8. Домашченко А.В. Филология как проблема и реальность: учебное пособие / А.В. Домашченко. – Донецк: БДПУ; ДонНУ, 2011. – 175 с.
9. Бердяев Н.А. Духи русской революции [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/berd-1.html>
10. Достоевский Ф.М. Письма. 1869–1870 гг. [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/494.htm>

References

1. Dunayev, M.M. *Vera v gornile somneniy* [Faith in a hearth of doubts]. Available at: <http://omiliya.org/article/vera-v-gornile-sommenii-mikhail-dunaev.html>
2. Savina, N.O. *Roman F.M. Dostoyevskogo "Besy": problematika i osobennosti poetiki*. Avtoref. diss. kand. philol. nauk [F.M. Dostoyevsky's novel "The Possessed": problematics and features of poetics. PhD. philol. sci. diss. avtoref.]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/roman-f-m-dostoevskogo-besy-problematika-i-osobennosti-poetiki>
3. *F.M. Dostoyevsky v vospominaniyah sovremennikov* / red. V.V. Grigorenko, N.K. Gudziy, S.A. Makashin [F.M. Dostoyevsky in contemporaries Memoirs]. Moscow, Art. Lit., 1964, Vol. 2, 520 p.
4. Fridlender, G.M. *Dostoyevsky* [Dostoyevsky]. *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vol.], Moscow-Leningrad, AS USSR edition, 1941–1956, Vol. 9, pp. 7–118.
5. Dostoyevsky, F.M. *Pis'ma (1876)* [Letters (1876)]. Available at: <http://libatriam.net/read/396390/>
6. Dostoyevsky, F.M. *Besy* ["The Possessed"]. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0080.shtml
7. Florovsky, G. *Puti russkogo bogosloviya* [Russian divinity ways]. Available at: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=416/>
8. Domashchenko, A.V. *Filologiya kak problema i real'nost': uchebnoye posobiye* [Philology as problem and reality: Study guide]. Donetsk, BДPU-DonNU, 2011, 175 p.
9. Berdyayev, N.A. *Guhi russkoy revolyutsii* [Spirits of Russian revolution]. Available at: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/berd-1.html>
10. Dostoyevsky, F.M. *Pis'ma (1869-1870)* [Letters (1869-1870)]. Available at: <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/494.htm>

У статті осмислюється пророцтво кінця світу, що міститься у романі Ф.М. Достоевського «Біси». Світ у романі подано в момент руйнування, він позбавлений початкової цілокупності. Розглянуто біснуватість головних героїв твору, які безбожно відступили від істинної віри та фанатично занурилися в утопічну «ідею», а також інші апокаліптичні знаки (насильницькі смерті, самогубства, душевні хвороби). Проаналізовано назву роману «Біси», яка не є алегорією, а, швидше, є прямою вказівкою на духовний характер революції.

Ключові слова: роман-пророцтво, художній світ, цілокупність, роз-лад, бісівський виток, апокаліптичність, есхатологічні мотиви.

The prophecy of the end of the world, which is contained in the novel of F.M. Dostoevsky's «Demons», is interpreted in this article. The world in the novel is presented at the moment of its destruction; it is voided of original entirety. The spirit possession of main characters of art work is considered; they godlessly departed from the true faith, totally immersed in utopian «idea», as well as other apocalyptic signs (violent death, suicide, mental illness). It is analyzed the title of the novel «Demons», which is not an allegory, but a direct indication of the spiritual character of the revolution.

Key words: novel-prophecy, art world, entirety, dis-tune, demons source, apocalypticism, eschatological motifs.

Одержано 23.03.2015.